Знай мое имя. Правдивая история

Автор:
Шанель Миллер

Знай мое имя. Правдивая история

Шанель Миллер

МИФ Культура

Январским утром 2015 года Шанель Миллер очнулась в больнице после изнасилования. Так она стала Эмили Доу – это имя должно было сохранить ее анонимность во время следствия и суда.

Преступник был приговорен к небольшому сроку и вскоре отпущен. Спустя полгода Шанель опубликовала открытое письмо, рассказав о пережитых месяцах борьбы со стыдом и страхом. В первые же дни его просмотрели миллионы людей, его перевели на множество языков и зачитали в Конгрессе. Этой книгой Шанель Миллер возвращает себе настоящее имя и бросает вызов обществу, готовому оправдывать преступников и обвинять пострадавших от насилия.

На русском языке публикуется впервые.

Шанель Миллер

Знай мое имя. Правдивая история

Издано с разрешения DaMi LLC c/o Sterling Lord Literistic, Inc., The Van Lear Agency LLC c/o Agentstvo Van Lear LLC

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2019 by Chanel Miller This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic and The Van Lear Agency LLC.

© Перевод, издание на русском языке. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

?

Маме, папе, Тиффи

Вступление

Безусловно, тот факт, что в выражении «повестка в суд» я сначала написала слово повестка через а, дает вам право усомниться в моей компетентности и может натолкнуть на мысль: «А способна ли она передать эти события квалифицированно?» Пожалуйста, в интернете есть и протоколы судебных заседаний, и сообщения в печати – все материалы находятся в открытом доступе. Конечно, эта книга никакая не истина в последней инстанции, но здесь представлена моя история, и рассказала я ее по мере возможности честно. Если хотите увидеть случившееся моими глазами, услышать моими ушами, если хотите понять, каково это – ощущать такую боль в груди, каково это – прятаться в уборной во время судебного заседания, – все изложено здесь. Я даю вам что могу и как могу, а вы решаете, что из этого вам нужно.

В январе 2015-го, когда я отправилась на вечеринку в Стэнфорд, мне было двадцать два года, я жила и работала в своем родном городе – Пало-Альто в Калифорнии. В тот день я подверглась сексуальному насилию; все произошло не

в помещении, а на улице, прямо на земле. Двое случайных прохожих, увидев это, остановили его и спасли меня. Моей прежней жизни пришел конец, и потянулись совсем другие дни. Чтобы сохранить в тайне мою личность, мне дали новое имя. Я стала Эмили Доу[1 - Эмили Доу (Emily Doe) – в данном случае обозначение для женской стороны в судебном процессе; используется в англо-саксонском праве, когда истец или жертва неизвестны или должны сохранять анонимность; ср. известные благодаря литературе и кинематографу криминологические термины Джон Доу и Джейн Доу – псевдонимы, которые дают неопознанным соответственно мужским и женским телам. Прим. пер.].

Иногда я буду называть адвоката защиты просто защитником, а судью всегда буду называть просто судьей. В моем повествовании они даны лишь для того, чтобы наглядно показать ту роль, которую каждый сыграл в этой истории. Я не собираюсь ни обвинять, ни очернять, ни злословить, ни мстить, ни переиначивать факты. Люди – существа вообще довольно многогранные. Было отвратительно, когда во время судебных заседаний на меня навешивали ярлыки, оговаривали и втаптывали меня в грязь, и я не поступлю подобным образом с теми, кто так делал. Я решила использовать его настоящее имя – Брок; но на самом деле он мог быть и Брэдом, и Броуди, и Бенсоном – не суть важно. Дело не в том, что собой представляют как личности защитники, судьи и ответчики, а в том, насколько они вписаны в эту порочную систему и как поддерживают ее. Моя книга – попытка справиться со своей внутренней болью, посмотреть в глаза случившемуся, противостоять ему, внедрить его в свою память и найти возможность жить с этими воспоминаниями. Я хочу оставить прошлое в прошлом, чтобы начать двигаться дальше. Я не стала давать имена тех людей, но смогу наконец назвать свое.

Меня зовут Шанель.

Я жертва. Само слово не вызывает у меня ни приступов тошноты, ни тревожного состояния. Беспокоит другое: мысль, что лишь этим и ограничивается представление обо мне. Однако я не жертва Брока Тёрнера. Потому что не принадлежу ему ни в каком смысле. Кстати, наполовину я китаянка. Мое китайское имя – Чжан Сяо Ся, что означает «маленькое лето». Меня назвали так, потому что:

я родилась в июне;

Ся – первая династия Китая;

я первый ребенок в семье;

Ся созвучно Ша;

Шанель.

Согласно определению ФБР, к изнасилованию относится любое проникновение. По закону Калифорнии, определение изнасилования более узкое: оно сводится к половому акту. Долгое время по отношению к нему я старалась избегать слова насильник, так как боялась, что меня начнут поправлять. Безусловно, юридические определения важны. Но и мои собственные имеют значение. Он проник в меня руками. По моему убеждению, лишь тот факт, что ему не хватило времени, не освобождает его от звания насильника.

Самое печальное в подобных историях, помимо самого преступления, – это когда жертва начинает верить во все унизительные вещи, которые слышит в свой адрес. Надеюсь, моя книга поможет справиться с этим заблуждением. И речь идет не только о женщинах. Будь вы мужчиной, или трансгендером, или человеком с неопределенной гендерной идентичностью – кем бы вы себя ни ощущали, кем бы ни решили быть в этом мире, я всегда встану на вашу защиту, если в своей жизни вы столкнетесь с сексуальным насилием. Также надеюсь, что с помощью своей книги скажу спасибо каждому, кто изо дня в день вытаскивал меня из того страшного мрака.

Когда узнаете свое имя, вцепитесь в него мертвой хваткой, ибо оно умрет вместе с вами, если не записывать и не упоминать его.

Тони Моррисон

Вначале я была так молода и совершенно не знала себя, поэтому едва ли существовала. Потребовалось выйти в мир, увидеть, услышать его, взаимодействовать с ним, прежде чем понять, кто я, какая я и чего хочу.

Мэри Оливер, «Против течения»

…Наш долг в том и заключается, чтобы иметь значение.

Александр Чи

Глава 1

Я робкий человек. В начальных классах, когда дети играли в сафари, все изображали животных, я одна была травой. Во время лекций в больших аудиториях я никогда не задавала вопросов, в спортзалах всегда забивалась в угол. Первой приношу извинения, когда кто-нибудь толкнет меня, и возьму любой рекламный листок, который суют на улице. В супермаркете всегда возвращаю тележку на место. Если в кофейне на стойке закончились пакетики с молоком или сливками, выпью кофе черным. Если ночую у кого-то, то наутро простыня с одеялом выглядят так, словно к ним никто не прикасался.

На свой день рождения я никогда не устраивала вечеринок. Прежде чем решусь признаться, что мне холодно, натяну на себя три свитера. Не расстраиваюсь, когда проигрываю в настольные игры. Я из тех, кто суетливо запихивает деньги в кошелек, лишь бы не задерживать очередь в кассу. В детстве была мечта: вырасти и стать талисманом спортивной команды[2 - Талисман команды, маскот (mascot – «кто-то приносящий счастье и удачу» или «что-то приносящее счастье и удачу») – человек, одетый в узнаваемого персонажа, олицетворяющего какой-то коллектив, в данном случае спортивную команду. Прим. ред.], чтобы иметь возможность танцевать на виду у всех и в то же время оставаться для всех невидимой.

В младших классах меня единственную выбирали дежурной два года подряд. В мои обязанности входило натягивать на себя зеленый жилет и каждую перемену следить за порядком на школьном дворе, пока все остальные ученики играли. Если вдруг случался неразрешимый спор, обращались тоже ко мне, и тогда я посвящала спорящих в глубины психологического приема «Я-высказывание»[3 - Я-высказывание (I-Message) – психологический термин, обозначающий

высказывание, в котором человек описывает происходящее, опираясь на собственные чувства и желания, стараясь при этом не задевать и не обвинять окружающих. Прим. ред.], объясняя им, чем отличается предложение, начинающееся с личного местоимения, типа я чувствую…, мне кажется…, от предложения, начинающегося словами вроде а вот он сказал…, а ты вот сделал… Однажды ко мне подошла совсем малышка из подготовительного класса и рассказала, что они катаются на качелях из шины по десять секунд, но когда наступает ее очередь, дети считают: «Один кот, два кота, три кота…», тогда как для мальчиков существует другая считалка, которая произносится дольше: «Один гиппопотам, два гиппопотама, три гиппопотама…». Тогда я велела считать одинаково для каждого: «Один тигр, два тигра, три тигра…». И сама я всю жизнь считаю тиграми.

Рассказываю немного о себе, потому что в истории, о которой пойдет речь ниже, я представлена полностью безымянной и обезличенной. Никаких особенностей ни моей внешности, ни моего поведения – ни одной характерной черточки. При мне не было ни кошелька, ни удостоверения личности, когда меня обнаружили. Вернее, когда нашли мое тело – брошенное, бесчувственное, полуголое. Срочно вызвали полицейских, подняли с постели одного из деканов Стэнфорда в надежде, что он сможет опознать меня, опросили возможных свидетелей – никто не знал, кто я такая, откуда взялась и чем занималась.

Вот что осталось в памяти. В субботу, семнадцатого января 2015 года, я находилась у себя дома в Пало-Альто. Моя младшая сестра Тиффани, студентка третьего курса Калифорнийского политехнического университета, проехала три часа по побережью, чтобы провести выходные со мной. Обычно она оставалась у себя с друзьями, но иногда выбиралась в наш родительский дом. В тот день после обеда мы заехали за ее подругой Джулией, студенткой Стэнфорда, и вместе отправились в заповедник «Арастрадеро» посмотреть, как солнце разольет свой желток по холмам. Когда начало смеркаться, мы решили остановиться и зайти в мексиканскую закусочную. Там у нас зашел горячий спор: сначала мы выясняли, где спят голуби; потом – кого больше, людей, складывающих туалетную бумагу квадратиком (вроде меня), или тех, кто просто ее комкает (вроде Тиффани). Еще сестра и Джулия обсуждали вечеринку, устраиваемую братством «Каппа Альфа» на территории кампуса Стэнфорда, – они обе собирались на нее пойти. Я в это время сосредоточенно наливала зеленую сальсу[4 - Зеленая сальса (salsa verde) – традиционный мексиканский соус, приготовленный из отварных измельченных томатильо, чили, чеснока и лука. Прим. ред.] в крошечный пластиковый стаканчик и поэтому не очень вслушивалась в их разговор.

В тот вечер позже отец приготовил брокколи с киноа. Услышав его «цвиной», мы не удержались от смеха: «Цви-Ной строит цви-ковчег. Пап, ты что, не знаешь, как это называется?» Чтобы не мыть посуду, разложили еду на одноразовые тарелки. Еще две подруги Тиффани, Коллин и Трея, принесли бутылку шампанского. Втроем они планировали встретиться с Джулией уже в Стэнфорде. Уговаривали и меня:

– Ты должна пойти с нами.

– Серьезно? Думаете, со мной будет весело? – ответила я. – Ведь я там окажусь самой старой.

Тем не менее я, напевая, приняла душ; потом, перерыв в поисках трусиков кучу свернутых в комочки носков, отыскала в самом углу ящика застиранный треугольничек ткани в горошек; натянула обтягивающее темно-серое платье; выбрала тяжелое серебряное колье с маленькими красными камнями; надела пшеничного цвета вязаный жакет с большими коричневыми пуговицами и уселась на наш бурый ковер, чтобы зашнуровать грубые армейские башмаки кофейного цвета. Все еще влажные волосы были собраны в пучок.

У нас на кухне обои в сине-желтую полоску; вдоль стен тянутся деревянные шкафы; стоят старые часы. На дверном косяке видны отметки нашего с сестрой роста, которые делались много лет; кое-где нарисована маленькая туфелька – это означает, что рост измеряли в обуви. Как мы ни искали, в шкафах, кроме виски, не нашли ничего, а в холодильнике для коктейля годилось разве что соевое молоко и сок лайма. Из рюмок нашлись лишь сувенирные, с надписями «Лас-Вегас» и «Мауи», мы с Тиффани в детстве собирали их во время семейных поездок и потом использовали как посуду для плюшевых зверушек. Я залпом, без всякого стеснения, выпила виски – получилось даже как-то бесшабашно, будто вслух заявила любимой подруге: «Ну приду я на бар-мицву твоего братца, правда, с одним условием, что меня туда силком притащат».

Мы попросили маму подкинуть всех нас до Стэнфорда – это всего в семи минутах езды по скоростной магистрали Футхилл. Для меня Стэнфорд был вторым домом, родным местом, а для моих родителей – неиссякаемым источником дешевых репетиторов, которых они из года в год нанимали нам с сестрой. Я буквально выросла в его кампусе, посещала его летние лагеря с палатками на газонах, тайком выносила из его столовых куриные наггетсы, набивая ими карманы, и

ужинала в компании его преподавателей – родителей моих друзей. Мама высадила нас у стэнфордского книжного магазина, куда раньше в дождливые дни мы заходили выпить какао с мадленками.

За пять минут мы спустились по тротуару к большому, спрятанному меж сосен дому. Дверь нам открыл парень с едва заметными волосенками над верхней губой. На студенческой кухне я обнаружила автомат с соками и содовой и принялась жать на все кнопки, придумывая на ходу безалкогольный напиток. Назвав это пойло баребухой, я тут же стала его анонсировать: «Только сегодня! Для настоящих дам! Пробуйте фекальный напиток “баребуха”! Весь день в братстве “Каппа Альфа”!» Начали подтягиваться люди. Свет погас.

Мы стояли за столиком у входной двери и с распростертыми объятиями, словно какой-то комитет по встрече, приветствовали всех пришедших радостным и напевным «добро пожаловать!». Я наблюдала за тем, как входили девушки: втянув головы в плечи, робко улыбаясь, быстрым взглядом они сканировали помещение, выискивая знакомые лица, чтобы было за кого зацепиться. Я отлично понимала их, поскольку сама проходила через подобное. В университете любое братство представлялось мне отдельным королевством со своей исключительной, постоянно пульсирующей жизнью – жизнью шумной, яркой и энергичной. В таком королевстве новенькие и молодые чуть ли не должны были зиговать старым членам, а заправляли всем здоровенные самцы. Когда я окончила университет, мир братства для меня несколько потускнел, атмосфера его стала казаться какой-то прокисшей и бессодержательной. Я вдруг увидела, что собрания эти превратились в сборища, где все усыпано использованными пластиковыми стаканчиками, где подошвы ботинок прилипают к заляпанному полу, где пунш отдает растворителем, где к сиденью унитаза обязательно пристают характерные завитки темных волос.

Мы обнаружили на столе пластиковую бутылку водки. Я прижала ее к груди, словно младенца, – будто нашла воду в пустыне. Накатила и опрокинула стаканчик. Будь я проклята, как здорово! Все прижимались друг к другу, буквально наваливаясь на столы и по-пингвиньи раскачиваясь. И только я, вскарабкавшись на стул, стояла среди них одна – этакая пьяная морская водоросль, – пока сестра не спустила меня на пол. Мы вышли на воздух, чтобы пописать в кустах. Джулия начала читать рэп. Я подхватила, сымпровизировав что-то о сухой коже, но споткнулась на рифме к слову «Сетафил»[5 - «Сетафил» (Cetaphil) – швейцарский дерматологический бренд, представленный широким выбором косметических средств для ухода за проблемной кожей. Прим. пер.].

Цокольный этаж был переполнен, и народ вывалил на ярко освещенную бетонную веранду. Мы оказались среди группки белых низкорослых парней. Кепки они носили козырьками назад, видимо, боялись, что обгорят шеи – в помещении, ночью. Я хлебнула теплого и противного, как моча, пива и передала бутылку сестре. Пьяная и невероятно уставшая, находясь всего в десяти минутах от дома, я заскучала, хотя чувствовала себя вполне раскованно. Очевидно, я переросла такие развлечения. На этой самой мысли моя память дает сбой – полный провал, пленка обрывается.

По сей день я уверена: ничего, что было совершено мною в тот вечер, не может считаться чем-то существенным – просто случайный набор единичных воспоминаний. Однако в дальнейшем все эти события начнут неустанно ворошить, перетряхивая их снова, снова и снова. Что я делала, что говорила – все будет препарировано, взвешено, просчитано, оценено и представлено на суд общественности. И все потому, что на той вечеринке где-то присутствовал он.

?

Было слишком светло. Я зажмурилась, а открыв глаза, заметила коричневые пятна засохшей крови на тыльных сторонах ладоней. На правой руке пластырь, он едва держался и отклеивался. Интересно, как долго я тут находилась? Я лежала на узкой кровати с пластиковыми бортиками по обеим сторонам – этакая колыбель для взрослых. Белоснежные стены, сверкающий пол. Что-то глубоко врезалось во внутреннюю часть локтя – это белый ремешок стянул руку так плотно, что кожа вокруг него отекла. Попробовала просунуть под застежку палец, но он не пролез. Я повернула голову влево. Двое мужчин пристально рассматривали меня. Пожилой афроамериканец в красной ветровке с эмблемой Стэнфорда и белый полицейский в черной форме. Глаза снова заволокло какой-то пеленой, все расплылось, а мужчины превратились в красный и черный квадраты. Они стояли, оба прислонившись к стене, заложив руки за спину, как будто ждали уже довольно давно. Я снова сморгнула и постаралась сфокусировать на них взгляд. И у первого, и у второго было выражение, какое обычно делаю я, когда наблюдаю, как какой-нибудь старый человек спускается по лестнице – весь в напряжении, готовый к падению в любой момент.

Представитель власти спросил, хорошо ли я себя чувствую. Когда он наклонялся ко мне, в его взгляде ничего не дрогнуло, он даже не прищурил в улыбке глаза – они оставались совершенно неподвижными, словно две круглые чистые лужицы.

«Ну да. А что – должно быть иначе?» – это я подумала про себя, а сама продолжала вертеть головой, ища глазами сестру. Мужчина в красной ветровке, представившись деканом Стэнфорда, спросил:

– Вас как зовут?

Их сосредоточенность на моей персоне пугала. Странно, почему им не задать этот вопрос моей сестре, ведь она должна быть где-то здесь.

– Я не студентка. Просто пришла в гости, – ответила я. – Меня зовут Шанель.

Сколько же я так дремала? Должно быть, здорово я набралась, если застряла в кампусе и, чтобы проспаться, залезла в соседнее здание. Я что, ползла? Как я поцарапалась? И кто наклеил на меня так небрежно весь этот отстойный скоропомощной хлам? Наверное, эти люди несколько раздражены? Их можно понять – очередной пьяный ребенок, за которым придется присматривать. Стыдно-то как – я ведь уже довольно взрослая для такого. Как бы там ни было, мне нужно избавить их от своего присутствия, поблагодарив за ночлег. Осматривая больничный коридор, я вычисляла, какая из дверей вела к выходу.

Мужчины спросили, кому можно позвонить и сообщить, что я здесь. Где здесь? Я дала им номер сестры. Тот, кто был в красной ветровке, отошел, чтобы я не слышала, – просто взял и унес голос Тиффани в другую комнату. Где вообще мой телефон? Я принялась нащупывать ладонью вокруг себя в надежде наткнуться на прямоугольный предмет. Ничего. Я корила себя за эту потерю. Придется возвращаться назад.

Представитель власти – тот, кто был в черном, – обратился ко мне:

– Вы находитесь в больнице, и есть основания полагать, что вы подверглись нападению сексуального характера.

Я медленно кивнула. Какой серьезный человек! Но, должно быть, он что-то перепутал – я даже ни с кем не разговаривала на той вечеринке. Наверное, нужно это прояснить? Разве я не настолько взрослая, чтобы самостоятельно выписаться отсюда? Мне казалось, сейчас кто-нибудь войдет и скажет: «Офицер, с ней все в порядке, она может уходить», – после чего я отсалютую им и откланяюсь. Сейчас я не отказалась бы от бутерброда с сыром.

Внизу живота сильно давило – хотелось писать. Я попросила разрешения сходить в уборную, но мужчина в черной форме отказал, объяснив, что нужно подождать, так как могла понадобиться моча на анализ. «Для чего?» – подумала я, тихо лежа в постели и продолжая сжимать мочевой пузырь. Все-таки мне позволили. Когда я спустила ноги и села на кровати, узкое платье поднялось и собралось комком на талии, я увидела на себе трикотажные штаны мятно-зеленого цвета. Интересно, откуда они? И кто завязал бантиком шнурок на поясе? Я смущенно пошла в уборную, освобождаясь наконец от их пристальных взглядов, и закрыла за собой дверь.

Веки еще были тяжелыми, и глаза полностью не открывались. Кое-как развязав шнурок и стянув вниз новенькие трикотажные штаны, я собралась было снять трусы. Большие пальцы скользнули по бедрам, ощупывая кожу, но ничего не нашли. Странно. Я проделала движение еще раз, прижала ладони к бокам, растерла бедра, будто до этого не чувствовала своего тела. Терла и терла, пока кожа не стала горячей, тогда остановилась. Вниз я не смотрела, а так и застыла там, полуприсев, полусогнувшись. Обхватив руками живот, со спущенными до щиколоток штанами, я была не в силах ни опуститься на толчок, ни выпрямиться.

Мне всегда было любопытно, почему пережившие насилие, любое насилие, так хорошо понимают других пострадавших? Как происходит, что даже при совершенно разных обстоятельствах нападения жертвы могут просто посмотреть друг на друга и понять все без слов? Возможно, дело не в самом насилии, не в его деталях, а в том, что происходит после, в первый момент, когда человек остается наедине с собой. Будто что-то вынули из него, будто сознание ускользает. Куда я шла? Что у меня забрали? И бесконечный страх, затаившийся в тишине. Словно больше не существует того привычного мира, где верх – это верх, а низ – это низ. В такой момент не чувствуешь боли, не впадаешь в истерику, не кричишь. Просто внутри все превращается в холодный камень. Полное смятение вкупе с абсолютным пониманием. Так утрачивается роскошь медленного взросления. Так наступает жестокое пробуждение.

Я опустилась на унитаз. Что-то царапало шею. Потрогав затылок, я нащупала в спутанных волосах какую-то шершаво-колючую штуковину. «Ну да, я же ненадолго выходила из дома “в кусты”, может, ветка какая зацепилась?» – меня не покидало чувство, что все было неправильно, но в глубине души царило мертвое спокойствие. Словно безмятежный темный океан, бескрайний и бездонный. Но ужас уже надвигался… Я ощущала, как он сжимает у меня все

внутри – мои темные, влажные, тяжелые внутренности. Однако на поверхности виднелась лишь легкая рябь. Паника появилась, словно рыба, – она стремительно рассекла гладь, выпрыгнув из воды, и так же молниеносно скрылась в ней. И снова тишина. Я не могла постичь, как оказалась в стерильной палате, в этой уборной, без нижнего белья, совсем одна. Вряд ли я буду интересоваться у того полицейского, куда делось мое нижнее белье, потому что часть меня понимала, что я не готова услышать ответ.

На ум пришло слово ножницы. Должно быть, тот мужчина в полицейской форме ножницами разрезал мои трусики, чтобы снять их, поскольку на трусах остались вагинальные… вагинальные выделения, которые нужны для проведения экспертизы в случае чего. Я смотрела о таком по телевизору, видела, как парамедики разрезали одежду. Встав, я заметила грязь на полу. Потом провела ладонью по штанинам, разгладив их, завязала шнурок на двойной бантик – получились два заячьих уха. Стоя перед краном, вдруг засомневалась: можно ли смывать кровь. Я подставила под тоненькую струйку воды кончики пальцев, затем ладони, а темные разводы на тыльной стороне сохранила.

Вернулась я такой же спокойной, какой была до ухода, вежливо улыбнулась и рухнула в свою колыбель. Декан сообщил, что мою сестру известили, где я нахожусь, и вручил мне свою визитку со словами: «Дайте знать, если вам что-нибудь понадобится». Он ушел, а я так и держала эту маленькую карточку. Мужчина в полицейской форме объяснил мне, что офис, где располагается SART[6 - SART, Sexual Assault Response Team (Служба реагирования при половом преступлении) – общегосударственная программа помощи, обеспечивающая интересы потерпевших. В состав отдельной оперативной группы входят следующие специалисты: медицинские работники – оказывают первую медицинскую и психологическую помощь и проводят судебно-медицинскую экспертизу; сотрудник правоохранительных органов – проводит полицейское расследование; адвокат – оказывает юридическую поддержку потерпевшему. Прим. ред.], откроется только утром. Я понятия не имела, что это такое, но очень ясно понимала, что мне необходимо заснуть. Я лежала на спине, мне было холодно и как-то не по себе – все-таки вдвоем с чужим человеком в палате с таким ярким светом. Хорошо, конечно, что я не осталась одна, но лучше бы он почитал или сходил к автомату с напитками. Я не могла уснуть, пока за мной наблюдали.

Зашла медсестра, бросила на меня быстрый взгляд и тут же накинулась на полицейского:

– Почему у нее нет одеяла?!

– Я выдал ей штаны, – ответил он.

– Почему никто до сих пор не дал ей одеяла? Немедленно принесите ей одеяло! Она лежит здесь, ничем не укрытая!

Я смотрела на ее яростную жестикуляцию, слушала, как она – такая озабоченная и совсем не боявшаяся требовать – отстаивала мое право на тепло, и про себя повторяла за ней: «Кто-нибудь, дайте же ей эти одеяла».

Я снова закрыла глаза. На этот раз привыкая к теплу. Мне хотелось бы вырваться из этого грязного сна и очнуться в своей постели, под своим цветастым одеялом, и чтобы рядом стоял мой ночной светильник с абажуром из рисовой бумаги, а в соседней комнате спала моя сестра.

Кто-то осторожно меня потормошил. Я открыла глаза – все тот же слепящий свет, те же одеяла. Надо мной склонилась златоволосая девушка в белом халате, за ней стояли еще две женщины. Все они так лучезарно улыбались, словно я была новорожденной. Одну из медсестер звали Джой, и я приняла это за добрый знак судьбы[7 - Джой (Joy) – радость. Прим. пер.]. Они вывели меня через какую-то дверь на маленькую парковку. Я почувствовала себя этакой нафталинной королевой: за мной бархатной мантией волочилось одеяло, которое поддерживали мои сопровождающие. Я покосилась на небо, чтобы определить время. Неужели уже рассвело? Мы вошли в пустое одноэтажное здание. Медсестры проводили меня в кабинет и посадили на диван. Закутанная в кучу одеял, я рассматривала папки, стоявшие на полке, и увидела на всех корешках уже знакомую аббревиатуру SART. А под ней черным маркером – Sexual Assault Response Team (Служба реагирования при половом преступлении).

Так вот кто они такие. Я была всего лишь сторонним наблюдателем – просто снабженное парой глаз мертвенно бледное тело с жалким грязным гнездом вместо волос. В то утро мне пришлось наблюдать, как в мою кожу втыкали серебристые иглы, как ковырялись у меня в промежности марлевыми тампонами, тут же становившимися кровавыми, – но ничто не заставило меня вздрогнуть, поморщиться или тяжело задышать. Восприятие отключилось, а вместо моего тела в их руках оказался бесчувственный манекен. Было одно, доступное моему пониманию: женщины в белых халатах – те люди, которым я

могу довериться. По этой причине я послушно выполняла их указания и улыбалась в ответ на их улыбки.

Передо мной положили стопку бумаг. Выпростав руку из-под одеяла, я принялась подписывать их. Но если там и объяснялось, с чем я соглашаюсь, – это все прошло мимо меня. Бумаги, бумаги, бумаги. Светло-сиреневые, желтые, оранжевые. Но ни одного объяснения, почему на мне не было трусов, почему кровоточили руки, почему волосы такие спутанные и грязные и откуда взялись эти нелепые штаны. Но, похоже, все шло как положено, и я подумала, что если буду покорно подписывать и кивать, то меня быстрее отпустят и я смогу наконец привести себя в порядок. Я выводила внизу страниц свою подпись: большая петля и две маленькие закорючки. И замерла только однажды, увидев сверху одного из листов жирную надпись: «Жертва изнасилования». Рыба пробила водную гладь. Я встала на паузу. Нет, я не согласна быть жертвой изнасилования. Если сейчас поставлю свое имя, стану ли я одной из них, жертв? Если откажусь подписывать, смогу ли жить дальше по-прежнему?

Медсестры вышли, чтобы подготовить кабинет для анализов. Девушка, представившаяся Эйприл, оказалась адвокатом SART. На ней были легинсы и легкий широкий свитер, а голову украшала забавная прическа – копна непослушных кудряшек, собранных в хвост. Ее имя мне понравилось так же, как Джой[8 - Эйприл (April) – апрель. Прим. пер.]. Апрель был месяцем дождей и света, временем цветения калл. Эйприл дала мне немного овсянки в пластиковой миске, на кашу она положила кусок коричневого сахара. Ела я все это маленькой белой ложкой из гнущейся пластмассы. Эйприл выглядела моложе меня, но заботилась обо мне, как мать, и постоянно уговаривала пить воду. А я все думала, как она проснулась в такую рань в воскресенье. Интересно, для нее это было обычным делом?

«Это вам», – протянула она мне оранжевую папку на спирали. Внутри лежали ксерокопии брошюрок о посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР) и листочков с номерами телефонов. На одном буклете была изображена девушка с пирсингом в брови – такая вся раздраженная, озлобленная. И надпись большими сиреневыми буквами: «Ты не одинока. В этом нет твоей вины!» – В чем нет моей вины? Чего я не делала? Я развернула брошюру под названием «Реакция на последствия».

Первая стадия – оцепенение, легкая головная боль, необоснованный страх, потрясение. Начинается с первой минуты и длится до двадцати четырех часов.

Вторая стадия – забывчивость, истощение, чувство вины, ночные кошмары. Продолжается от двух недель до шести месяцев.

Третья, последняя стадия – добровольная изоляция, навязчивые воспоминания, суицидальные мысли, спад работоспособности, употребление наркотических веществ, трудности в отношениях, одиночество. Тянется от шести месяцев до трех лет.

Прочитав про первую стадию, я кивнула – поразительное сходство. Но дальше… Кто все это понаписал? Кто разработал столь зловещее будущее? Кто вообще выпустил этот сраный клочок бумажки? И что прикажете делать с этим жизненным графиком какого-то душевно и физически сломленного незнакомца?

– Хочешь позвонить сестре? Дать телефон? – Эйприл протянула мне трубку. – Можешь сказать ей, что через несколько часов будешь готова уехать.

Я надеялась, что Тиффани еще спит, но она ответила молниеносно. Я знаю ее плач. Знаю, как она плачет, когда помнет капот машины, когда не может найти свои шмотки, когда в фильме умирает собака. Но сейчас ее плач был другим: словно птица билась крыльями о стенки стеклянной клетки – это был звук внутренней сумятицы. От него мороз пробежал по коже. Я заговорила ровно и так непринужденно, что сама чувствовала, как улыбаюсь.

– Тиффи! – произнесла я и никак не могла понять, что она мне отвечает. Но это сделало меня еще спокойнее, ведь нужно было унять ее истерику. – Сестрица, у меня тут бесплатный завтрак! Да, я в порядке! Не плачь! Они полагают, что-то могло произойти. Нет, точно они не знают. Всего лишь предосторожность – так, на всякий случай, но лучше мне остаться на какое-то время. Ладно? Сможешь забрать меня через пару часов? Я в больнице Стэнфорда.

Девушка-интерн мягко похлопала меня по плечу и шепотом поправила:

– Вы в Сан-Хосе. В Медицинском центре долины Санта-Клара.

Я с недоумением глянула на нее.

– Прости, оказывается, я в Сан-Хосе, в местной больнице! – сказала я в трубку, а сама подумала: «Я что? В другом городе? В сорока минутах езды от дома?» – Не волнуйся! Я позвоню тебе, когда буду готова.

Я спросила Эйприл, знает ли она, как я сюда попала.

– На скорой, – ответила она.

Внезапно я забеспокоилась о цене, которую вряд ли смогу потянуть. Одни анализы сколько будут стоить! Сосновые иглы, словно маленькие коготки, все еще царапали шею. Я вытащила из волос колючую рыжеватую веточку папоротника. Проходящая мимо медсестра довольно мягко попросила ничего на себе не трогать: нужно оставить все как есть, поскольку предстоит сделать фотографии моей головы и остального. Я вернула ветку назад – словно вставила шпильку в прическу. Кабинет для забора анализов был подготовлен.

Я поднялась – на диване остались сосновые шишки и иголки. Откуда, черт возьми, они вообще взялись? Когда я наклонилась, чтобы поднять их, волосы рассыпались по плечам и еще какое-то количество веток просыпалось на чистый кафель. Я опустилась на колени и принялась складывать все в аккуратную кучку.

– Вам это нужно? – спросила я, держа все в ладони. – Можно выкинуть?

Мне ответили, чтобы я не волновалась и оставила как есть. Я снова сложила все на диван, смущенная беспорядком, который устроила, запачкав безупречно чистый пол и мебель.

– Это просто флора и фауна, флора и фауна, – успокаивала меня медсестра напевным голосом.

В сопровождении двух медсестер я прошла в освещенную утренним солнцем холодную серую комнату с большим зеркалом. Меня попросили раздеться. «Это

уж слишком», – я не понимала, почему должна показывать им свое голое тело. Но руки сами стали снимать одежду – еще до того, как мозг подал сигнал: «Слушай их». Медсестры протянули мне белый пакет для завтраков, и я положила в него свой бежевый лифчик с потрепанными лямками. В другой пакет отправилось мое серое платье – и больше я его не видела. Его потом проверяли на следы спермы или что-то в этом роде. Когда я осталась голой, из зеркала на меня смотрели собственные соски, а я не знала, куда деть руки – разве что обхватить себя ими. Мне сказали не двигаться, пока мою голову будут фотографировать в разных ракурсах. Для своих портретов я обычно укладывала распущенные волосы на косой пробор, но сейчас было страшно даже прикоснуться к этой бесформенной массе. Стало любопытно: нужно ли обнажать зубы в улыбке и куда смотреть. Больше всего хотелось закрыть глаза – может быть, так я стану невидимой.

Одна медсестра вытащила из кармана голубую пластиковую линейку. Другая держала массивный черный фотоаппарат.

– Чтобы измерить и задокументировать ссадины, – объяснила первая.

По моей коже заползали латексные кончики пальцев; то на шее, то на животе, то на ягодицах, то на бедрах чувствовался жесткий край линейки. Я слышала каждый щелчок – черный объектив останавливался на каждом волоске, каждом прыщике, каждой вене, поре, мурашке. Моя кожа всегда была главным источником неуверенности в себе, так как в детстве я страдала от экземы. Но даже когда все нормализовалось, я все равно постоянно ждала, что она снова воспалится и покроется мокнущей сыпью. Я замерла под пристальным взглядом камеры. Но от грустных мыслей меня отвлекали нежные голоса медсестер, сновавших по комнате и круживших вокруг моего тела. Они походили на птичек из «Золушки», порхающих с лентами в клювиках и снимающих мерки для бального платья.

Я обернулась посмотреть, что они фотографируют, и мельком заметила в зеркале красный след у себя на спине. Закрыв глаза от страха, я снова встала прямо. Обычно именно я выступала самым жестким хулителем собственного тела: «Груди как-то широко поставлены. Прямо два грустных чайных пакетика. Соски смотрят в разные стороны, словно глаза игуаны. Колени какие-то бесформенные и фиолетовые. Живот дряблый. Широкая, почти прямоугольная талия. И какой толк от длинных ног, если они не стройные». Но когда я стояла в том кабинете – обнаженная, под искусственным светом, – все мое критиканство

испарилось.

Меня продолжали осматривать сверху донизу. Я стояла, крепко зажмурившись, высоко подняв голову, вытянув шею, расправив плечи и расслабив руки. Утреннее солнце растекалось по изгибу шеи, ушным раковинам, сползало по ключицам, бедрам, икрам и как бы нашептывало: «Посмотри на свое тело! Эти прекрасные холмики-груди, совершенная форма живота, длинные красивые ноги». Меня наполняли теплые песочные тона – просто сияющий сосуд среди белых халатов и бирюзовых перчаток.

Наконец можно было приступить к волосам. Втроем мы вытягивали одну за другой сосновые иглы, складывая их в белый пакет. Я чувствовала резкую боль, когда запутавшиеся сучки раздирали кожу и выдергивались вместе с волосами. Мы вытаскивали и вытаскивали, пока пакет не оказался заполнен до краев иглами, палками и волосами. «Наверное, хватит», – сказала одна из сестер.

Остальное мы вынимали в тишине, бросая все сразу на пол, чтобы потом подмести. Я слегка подула на плечи, чтобы убрать просыпавшийся с головы мелкий мусор. Пришлось долго провозиться с сосновой иглой в форме рыбьей кости, а тем временем медсестры разбирали и прочесывали волосы на затылке. Казалось, этому не будет конца. Попроси они тогда нагнуться, чтобы обрить меня наголо, я подставила бы голову без вопросов.

Мне выдали бесформенную больничную рубашку и проводили в другой кабинет, где стояло что-то похожее на стоматологическое кресло. Я легла на него, развела ноги в стороны, лодыжки закрепили ремнями. Прямо надо мной – на потолке, прикрепленная канцелярской кнопкой, – была картинка с парусником. Кажется, ее вырвали из какого-то календаря. Медсестра принесла поддон с металлическими инструментами – еще никогда в жизни я не видела такого количества. Между моими коленями оказались сразу три женщины в белых халатах – такой маленький горный хребет. Одна сидела на табурете, остальные расположились за ней и смотрели на меня. «Какая ты спокойная», – говорили они.

Мне было не очень понятно, по отношению к кому я оставалась спокойной. Рассматривая парусник на потолке, я представляла, как за стенами этой маленькой комнаты он плывет куда-то далеко-далеко, где ярко светит солнце. Я подумала, что у этой лодки непростая задача – отвлекать меня. Из моего заднего прохода торчали две длинные деревянные палочки с марлевыми

тампонами внутри меня. Парусник отлично справлялся с поставленной задачей.

Шли часы. Мне было неприятно все: прикосновение холодного металла, плотные марлевые тампоны, таблетки, шприцы, раздвинутые ноги. Но женские голоса успокаивали меня, как если бы тут все колдовали над появлением новой жизни. Потом принесли мензурку с кислотно-розовыми таблетками, но протянули ее мне так, словно угощали вкусным коктейлем. Они постоянно ловили мой взгляд и перед тем, как что-либо сделать или ввести внутрь, обязательно объясняли: «Как ты? Все в порядке? Этой голубой кисточкой мы сейчас помажем твои половые губы. Будет немного прохладно. Ты местная? Какие планы на День святого Валентина?» Я понимала, что все вопросы задаются для отвлечения. Знала, что это была игра вроде светской беседы, в которую они меня втягивали. Пока они произносили утешительные слова, их руки двигались быстро и профессионально, а круглый обод объектива смотрел прямо в мою промежность. Еще одна камера – микроскопическая – была внутри, и стенки влагалища полностью отображались на экране.

Я понимала, что эти руки в перчатках не позволят мне упасть в бездну. И что бы ни всовывалось в мои внутренние проходы, все в итоге появлялось между лодыжками. Эти люди стояли неприступной стеной, они защищали меня и даже смешили. Конечно, отменить случившееся было не в их силах, но они могли зафиксировать, запечатлеть каждый миллиметр моего тела, запаковать все в свои пакетики и потом заставить кого-то изучать это. Ни одна из женщин ни разу тяжело не вздохнула, жалея бедную крошку. Они не расценивали мое подчинение как слабость, и мне не пришлось ничего доказывать, не было нужды никого из себя изображать. Они всё знали. Стыду тут было не место – его изгнали бы из этих стен. Так что я расслабилась и отдала свое тело помогавшим мне людям, тогда как разум мой будто плыл в легком потоке их голосов. Именно благодаря этому, когда сейчас я вспоминаю время, проведенное с ними, неловкость, неприятные ощущения, страх – все отходит на задний план. Главное, что я чувствовала тогда, – это тепло.

Спустя несколько часов они закончили. Эйприл подвела меня к большому пластиковому шкафу у стены, набитому сложенными свитерами и спортивными штанами, ожидающими новых хозяев. «Для кого все это? – подумала я. – Как много нас таких, оказывающихся здесь и получающих новую одежду вместе с кипой брошюр?» Понятно, что была создана продуманная и хорошо отлаженная система, ее организовали потому, что хорошо знали: подобных мне – несчетное количество. Каждый попавший сюда слышал слова: «Добро пожаловать в клуб,

вот ваша форма. В папке вы найдете руководство, которое поможет проложить путь от травмы к восстановлению. И этот путь иногда занимает всю жизнь».

– Можете взять любого цвета, что понравится, – сказала, улыбаясь, медсестра, словно предлагала на выбор разные сиропы для замороженного йогурта.

Я выбрала яично-белый широкий свитер и синие штаны.

Теперь оставалось только помыться. Детектив должен был вот-вот подъехать. Меня снова привели в холодную серую комнату, в углу которой я заметила металлический душ. Я поблагодарила и закрыла дверь. Затем повесила на крючок больничную рубашку, порылась в корзине, где были беспорядочно свалены явно пожертвованные гостиницами флакончики и пакетики одноразовых шампуней с ароматами зеленого чая, морского бриза, сандалового дерева, и повернула ручку крана. Впервые за долгое время я стояла одна, полностью обнаженная, и никаких воркующих звуков рядом, никаких нежных рук. Была абсолютная тишина, только вода лилась на пол.

Никто не произносил слова изнасилование, оно появилось разве что на той бумаге. Я закрыла глаза. Все, что я помнила, – моя сестра в круге света. Затем память отключилась. Чего недоставало? Я посмотрела вниз на лобок, потянула половые губы – они были темными от краски. Меня затошнило от их воспаленного вида – то ли цвета темного винограда, то ли цвета баклажана. Ну, скажите хоть вы, что произошло. Я слышала, что медсестры произносили такие слова, как сифилис, гонорея, беременность, ВИЧ. Когда наступило утро, мне дали противозачаточную таблетку. Струи чистой воды напрасно пытались очистить меня – все, что требовалось смыть, находилось внутри. Я вновь посмотрела вниз на свое тело, на этот толстый блеклый мешок, и подумала: «Кто-нибудь, и его тоже заберите, я больше не могу оставаться наедине с этим».

Мне хотелось биться головой о стену, чтобы достучаться до своей запертой памяти. Я принялась откручивать крышки шампуней и выливать тягучую жидкость себе на грудь. Волосы спадали на лицо, кожу саднило, а я просто продолжала стоять среди всех этих разбросанных флакончиков. Хотелось, чтобы вода проникла в поры, выжгла все клетки и восстановила их снова. Хотелось вдохнуть весь пар, чтобы задохнуться, ослепнуть и испариться вместе с ним. Мутные струйки закручивались в воронку у меня под ногами и стекали в металлическую решетку, пока я отмывала голову. Меня мучило чувство вины – ведь Калифорния изнемогала от безжалостной засухи. Я подумала о нашем

доме, где папа ставил красные ведра под раковины, чтобы собирать мыльную воду для растений. Вода была роскошью, а я стояла неподвижно и смотрела, как литр за литром сливается в канализацию. Мне жаль, но сегодня мне нужно долго стоять под душем. Прошло, наверное, минут сорок, но никто меня не торопил.

Выключив кран, я погрузилась в пар и тишину. Размягченные подушечки пальцев покрылись глубокими бледными бороздами. Я протерла запотевшее зеркало. Щеки порозовели. Я расчесала мокрые волосы, натянула свитер, надела на шею колье, поправив его на груди. Стала шнуровать ботинки – еще одна вещь, которую мне разрешили оставить, – заправила в них синие спортивные штаны. Через секунду вытянула их поверх ботинок – так лучше. Когда собирала волосы в пучок, заметила на рукаве ярлык с тонко вышитым логотипом – Grateful Garments[9 - Grateful Garments (дословно с англ. «приятная одежда») – благотворительная организация Grateful Garments Project, работающая с больницами, приютами и правоохранительными органами, обеспечивает неотложные потребности пострадавших, в том числе предоставляя необходимую одежду жертвам полового насилия, т. к. собственную одежду они вынуждены сдавать на судебно-медицинскую экспертизу. Прим. ред.].

Каждый год бабушка Энн (не кровная родня, но тем не менее родная) делала экстравагантные бумажные шляпки, украшая их всем, что попадет под руку: грушевыми веточками, цветными комиксами, крашеными перышками, бумажными цветами. Она продавала их на уличных ярмарках, а вырученные деньги жертвовала в благотворительные организации, среди которых была и Grateful Garments, шьющая одежду для людей, переживших сексуальное насилие. Если бы не они, я вышла бы из больницы в мешковатой больничной рубашке и ботинках. А значит, эти доспехи достались мне благодаря тому времени, которое бабушка проводила за обеденным столом, вырезая и склеивая шляпки, а потом продавая их с лотка под палящим солнцем. Теперь бабушка Энн как бы обнимала меня и говорила, что я готова.

Я вернулась в кабинет, села, зажав руки между коленями, и стала ждать. Появившийся в дверном проеме полицейский детектив был широкоплеч, аккуратно подстрижен, в прямоугольных очках и черной куртке. На бейдже надпись: «КИМ». Должно быть, по происхождению кореец. Он стоял в нерешительности на пороге, будто это был мой дом, а он собирался войти в грязных ботинках. Я встала, чтобы поздороваться с ним. Он выглядел таким печальным и потому вызывал доверие. Я даже улыбнулась, пытаясь убедить его,

что со мной все в порядке.

Детектив выложил блокнот и диктофон, предупредив, что все мои слова будут записаны. «Конечно», – ответила я. Он сел, держа ручку над чистым листом блокнота. Маленькие ролики кассеты закрутились. Я не чувствовала, чтобы от него исходила какая-нибудь угроза. По выражению его лица я поняла: он здесь, чтобы слушать.

Он заставлял меня вспоминать очень многое: что вечером готовил отец; сколько я съела; как много выпила; какой был интервал; название виски; по какой причине отправилась на ту вечеринку; во сколько туда приехала; сколько людей там было; какой алкоголь употребляла; были ли напитки в герметичной упаковке; когда и где писала на улице; во сколько снова присоединилась к гуляющим. Я все время смотрела в потолок, будто так мне лучше думалось. Я не привыкла вспоминать обыденные вещи с такой дотошностью. А он все это время записывал, слегка кивая, переворачивая листы блокнота один за другим. Когда я добралась до момента на веранде, увидела, как он записал: «ПОСЛЕДНЕЕ, ЧТО ОНА ПОМНИТ». Ручка щелкнула. Он посмотрел на меня, словно пытаясь отыскать еще что-то. Походило на то, будто мы ехали куда-то и вдруг дорога оборвалась. У меня не было того, что ему требовалось.

Согласно аудиозаписи, он в то утро сказал мне, что два человека видели, как я потеряла сознание, потом прибыли помощники шерифа, но я оставалась безучастной. И добавил:

– Из-за характера того места, где вас нашли, и из-за характера состояния, в котором вы находились, мы всегда должны учитывать, что действительно существовала возможность изнасилования.

Места, где вас нашли… Состояния, в котором вы находились…

– По окончании расследования имя того человека и информация о нем будут преданы огласке, – сказал далее Ким. – Мы пока не знаем, что именно произошло. Надеюсь, ничего. Но мы должны проработать и наихудший сценарий.

Надеюсь, ничего – это единственное, что я услышала.

– Как бы это спросить… А знаете вы, где именно меня нашли?

– Ладно… Между тем местом и домом, где проходила вечеринка, есть, как я понимаю, небольшой участок с мусорным контейнером. – И добавил: – Но не в самом контейнере…

– Ну да… не в нем… – откликнулась я.

– Нет-нет, прямо за ним, – сказал Ким. – Проходящие мимо мужчины увидели вас там и подумали, что это странно. Они остановились и заметили кого-то… А потом подошел еще один человек и тоже увидел вас. Он позвонил. Позвонил нам… Ну, естественно… сначала мы допускали, как бы это сказать, возможность изнасилования.

Я ничего не понимала. Как я оказалась на улице? Они подумали, что это странно… Что именно странно? Детектив поерзал на стуле, и я заметила, как голос его слегка дрогнул, когда он спросил:

– Вы там замутили с кем-нибудь?

Странность этого вопроса поразила меня.

– Нет, – ответила я.

– Значит, вы никому не позволяли, как бы это сказать, щупать себя… в разных местах?

Выглядел он довольно грустным, как будто уже знал ответ. Внутри у меня все сжалось.

– Его ведь поймали прошлой ночью, так? – уточнила я. – Он пытался скрыться?

– Теперь мы просто должны убедиться, что это тот самый человек, – ответил детектив. – На самом ли деле он что-то сделал вам или пытался сделать. Но, как бы это сказать, кое-кто, кто был рядом с вами, вел себя действительно подозрительно.

Подозрительно.

– Я с большой осторожностью хочу сказать, что этот человек может быть тем самым парнем, – продолжал детектив. – Согласно Уголовному кодексу, мы можем арестовать кого-то по подозрению в совершении преступления, а изнасилование является тяжким преступлением. Именно поэтому мы можем арестовать кого-то даже на основании только лишь подозрения, что имело место преступление. Даже если преступления и не было.

Все звучало так, будто произошло нечто ужасное, но каждую фразу завершал как бы альтернативный сценарий: допускалась вероятность, что я осталась нетронутой. Что-то сделал вам или пытался сделать… Даже если преступления и не было… Надеюсь, ничего… Подозрительно… Будто я существовала в двух разных мирах: в одном ничего не случилось, а в другом меня могли и изнасиловать. Я понимала, что детектив не все мне рассказывает, ведь расследование еще только началось. Может быть, все дело было в моих мокрых волосах и странной одежде? А может быть, он думал о моей сестре, которая должна была приехать?

Заканчивая беседу, детектив Ким выразил надежду, что завтра я вспомню больше, и дал мне свою визитку. Я кивнула, хотя точно знала, что рассказала все. Еще он сказал, что сегодня вечером я смогу забрать свой телефон в полицейском участке. Вдруг за ним появилась Тиффани, съежившаяся, с измученным лицом. Стоило мне вспомнить, что я старшая сестра, жертва во мне тут же испарилась. На записи, в самом ее конце, можно услышать наш разговор.

– Привет, – сказала я.

– Боже мой…

– Привет.

– Боже мой…

– Прости…

– Ох…

– Что заставила тебя волноваться.

– Нет, все в порядке.

– Прости.

– Не извиняйся, – ответила она.

Я держалась уверенно и смело, ведь я была взрослой и всем своим видом показывала ей, что этим незнакомым людям нужно доверять, что они добры к нам и с ними можно говорить. Эйприл налила ей воды, пододвинула стул. Тиффани все продолжала плакать. Когда детектив стал задавать вопросы, я не спускала с нее глаз. Она рассказывала о тех же напитках, называла те же имена друзей, так же описывала атмосферу вечеринки. Она упомянула об одном блондине, который пялился на нее, хватал за бедра и повсюду за ней таскался. Все ее друзья старались держаться от него подальше. Ей показалось странным, что парень не говорил ни слова, а просто таращился и прижимался к ней. Она сказала, что от неловкости даже рассмеялась, и они с ним столкнулись зубами.

Она рассказала, что отлучилась буквально на минуту – помочь подруге, которую тошнило, – и думала, что я справлюсь сама. А когда вернулась, полиция уже разгоняла вечеринку. Тиффани спросила двух студентов, выходящих на улицу, что произошло, они ответили, что вечеринка закончена, потому что кто-то пожаловался на шум. Тогда она обратилась к полицейскому на парковке, но он ничего не знал. Сестра решила, что я уехала к друзьям в Пало-Альто, но все-таки продолжала искать меня и спрашивать, не видел ли кто-нибудь девушку, похожую на нее. Они с Коллин заглянули в каждую комнату в общежитии, беспокоились и злились, что я не отвечала на звонки. Они звали меня, выкрикивая мое имя деревьям, в то время как меня на каталке грузили в белый квадратный фургон.

– Ему помешали студенты, – сказала я, – что ж, классно.

Как я поняла в то утро, прохожие увидели человека, который вел себя странно, и погнались за ним. О каком-либо физическом контакте я не имела ни малейшего понятия. Я не знала, что этот человек трогал меня под одеждой, видел обнаженными какие-то части моего тела. Я думала, кризис миновал, преступника поймали и мы можем уходить. Детектив поблагодарил нас. Вечером

нужно было еще зайти в полицейский участок Стэнфорда и забрать мой телефон. Дамы в белых халатах обняли меня на прощание очень крепко.

Солнце уже взошло и резко отражалось в стеклах редких машин, стоявших у больницы. То воскресное утро казалось полным сюром. «Просто безумие какое-то. Похоже, это самое сумасшедшее, что могло со мной случиться в жизни. И чего только мне не засовывали в то место, с ума сойти! А что на мне надето?! Смотреть противно. Я, наверное, выгляжу чокнутой в такой одежде?» – я пыжилась изо всех сил, на ходу поправляя то волосы, то широкие спортивные штаны, но все равно и голова слегка кружилась, и ноги были как на распорках. Сестра, все еще со слезами на глазах, тоже старалась собраться, она и засмеялась бы, но ей мешали икота и прерывистость дыхания.

Мы сели в машину и уставились на сетчатую ограду. Тиффани ждала, когда я скажу, куда ехать. Ее продолжала бить дрожь. Я совсем не думала о происшедшем: ни кто он такой, ни каково мое самочувствие, ни куда отправятся все эти фотографии. Мои мысли были только о ней, моей младшей сестре, которой я должна была все объяснить.

Ради нее я должна держать себя в руках – это была моя обязанность. Помню, однажды ее начало тошнить в самолете, она наклонилась вперед, и я подставила ладони, чтобы рвота не попала ей на колени. Когда бабушка натирала сыр с плесенью нам в салат, Тиффани морщилась и зажимала нос, а я ждала, когда бабушка отвернется, и съедала весь сыр с ее тарелки. После того как мы посмотрели «Инопланетянина»[10 - «Инопланетянин» (E.T. The Extra-Terrestrial; 1982) – фантастический блокбастер Стивена Спилберга про дружбу между американским мальчиком и довольно милым пришельцем. Прим. ред.], она семь лет спала в моей постели, так как боялась морщинистого пришельца и его светящегося пальца. Когда в картинах персонажи начинали целоваться, я закрывала ее лицо подушкой: «Еще слишком мала для такого!» Я написала для наших родителей и потом несколько раз перерабатывала убедительный очерк, в котором убеждала их купить нам мобильники Nokia. На каждом школьном празднике я заворачивала половинку своего пончика или рождественского печенья, обсыпанного корицей, в салфетку, чтобы на перемене отдать ей. Когда я увлекалась лошадьми, то привязывала ее к креслу собачьим поводком, кормила из рук овсяными колечками и клала ей на спину «седло» – коврик для ванной. До сих пор помню, как родители обнаружили ее в этом «стойле». «Если хочешь играть в такие игры, то сама должна быть лошадью», – сказали тогда они. Есть за нее сыр с плесенью, защищать ее от пришельцев, всем жертвовать

ради нее – я давно поняла, что это стало моим основным и самым важным жизненным заданием.

Но отправиться прямо в родительский дом – к этому я не была готова. Мне нужно было время подумать. Родители считали меня и Тиффани уже настолько взрослыми, что мы могли сами решать, когда нам приходить, когда уходить, поэтому если кто-то из нас не ночевал дома, то, значит, остался у друзей. Без причины никто не волновался, поскольку мы жили в спокойном районе. Я понимала, что не могу вот так войти и заявить матери и отцу, что очнулась в больнице, что голова моя вся была в сосновых иглах и сучках, потому что кто-то вел себя подозрительно, – и ждать, как они отреагируют.

– Все нормально, – сказала бы я.

– Нет, не нормально! – ответили бы они.

Отец стал бы расспрашивать, кто, где, когда, почему и как. Мать уложила бы в постель и заставила бы пить имбирный отвар. Если приходится о таком говорить родителям, возникает суматоха. А мне не хотелось никакой суеты. Мне просто было нужно, чтобы все развеялось.

Я была уверена, что в полиции мне скажут что-то вроде: «Некий человек пытался причинить вам вред, но ему не удалось, мы приносим свои извинения за доставленные неудобства». Я на самом деле была убеждена, что произошла ошибка, поэтому, когда сестра спросила, собираюсь ли я рассказать обо всем родителям, я ответила: «Может быть, через пару лет». Я тут же представила сценку:

– А знаете ли вы, что как-то раз меня чуть не изнасиловали? – небрежно оброню я однажды за ужином.

– О, какой ужас, мы и понятия не имели, что с тобой такое случилось. Почему ты не сказала нам?

– Ну, это было так давно, к тому же, как выяснилось, ничего не произошло, – ответила бы я, махнув рукой, и попросила бы передать мне стручковую фасоль.

Сидя в машине на той больничной стоянке, я могла сообразить только одно место, куда можно было поехать, – In-N-Out[11 - In-N-Out (In-And-Out, «Ин-энд-Аут») – американская сеть ресторанов быстрого питания In-N-Out Burger. Прим. пер.]. Десять утра, конечно, несколько рановато для бургеров – но не для In-N-Out. В детстве поход в этот ресторан, с его белоснежным кафельным нутром, был для нас сродни посещению церкви. Именно туда мы шли, когда грустили, когда хотели что-то отпраздновать, когда кому-то разбивали сердце. Все приправы и специи, которые там подавали, всегда поднимали мне настроение. Но в тот раз я вдруг застыдилась своего внешнего вида и предложила взять еду навынос. Мы подъехали к окошку, заказали бургеры, припарковали машину и стали есть. Я откусила кусок булки, но не почувствовала вкуса соуса. Завернула бургер в бумагу, засунула его снова в фирменный пакет, поставила у ног. Я сознательно тянула время, и дома уже никого не было – мы это точно знали. Отец побежал по своим делам, а мать, как обычно, проводила воскресный день с подругами.

Мой отец – психотерапевт на пенсии. Работал он шесть дней в неделю и по двенадцать часов в сутки выслушивал разных людей. Он зарабатывал деньги – на которые мы, кстати, жили, – помогая людям справиться с теми обстоятельствами, о которых нам с сестрой не полагалось знать. Моя мать – писатель, автор трех книг, созданных ею на китайском языке, а значит, я их не читала и вряд ли когда-нибудь прочитаю. Так что большую часть жизни моих родителей – какими бы открытыми людьми они ни были – мне не дано было постичь.

Отец – после двадцати лет частной практики – как-то признался, что слышал все истории, которые только можно вообразить. Мать, выросшая в глухой китайской провинции, стала свидетелем таких зверств Культурной революции, которые трудно даже представить. По их общему мнению, жизнь была слишком велика и непредсказуема, поэтому не стоило делить ее на черное и белое – нет в ней прямых путей, а коли удалось прожить день и просто проснуться утром, то, считай, это уже чудо. Они поженились – такая красивая и необычная пара – в единственном китайском культурном центре в Кентукки.

Наш дом обставлен совершенно беспорядочно: ничто ни с чем не сочетается. В ванной висят вовсе не пушистые и не белые полотенца, а наоборот – довольно застиранные, с каким-нибудь Скуби-Ду. Когда на ужин должны прийти гости, мы с Тиффани прячем сдутые баскетбольные мячи, распихиваем все книги и отдраиваем пятна. Таким образом мы пытаемся сделать дом хоть немного

похожим на отполированные до блеска жилища наших друзей. Но потом… потом дом как будто расстегивает брюки, освобождая наконец живот, – и все наше добро снова вываливается наружу.

Мой дом – это место, беспрерывно обрастающее вещами; место, в котором пятна и подтеки имеют право на существование; место, где в любое время дня и ночи примут любого как желанного гостя. Мы с сестрой и наши родители представляем собой четыре отдельные планеты, вращающиеся в одной вселенной. Будь у нас семейный девиз, он звучал бы так: «Ты волен делать все, что тебе по душе». В нашем доме не признают шаблонных правил. Дом – это тепло и радушие. Дом – это близость между людьми при полной их независимости. Дом – место, куда не должна проникать тьма. И я была полна решимости не допустить этого.

Когда мы въехали уже на подъездную дорогу к дому, сестре позвонил детектив. Она передала трубку мне.

– Вы хотите выдвинуть обвинение? – спросил он.

– Что это значит? – спросила я.

Он сказал, что не может объяснить всего, поскольку дело находится в юрисдикции окружного прокурора, и добавил, что прокурор уже решил официально выдвинуть обвинения. От меня требовалось только сказать, хочу ли я в этом участвовать. То есть для них было бы проще, если бы я дала согласие, но я вовсе не обязана этого делать. Я попросила минуту на размышление и сказала, что позвоню ему сама позже.

Повесив трубку, я повернулась к сестре – больше мне некого было спросить:

– Должна ли я? Ну да, конечно… А может, не стоит? Но они все равно собираются, тогда и я могла бы… В смысле присоединиться… Что это вообще такое? Как же так? – я в полной растерянности покрутила головой. – Пожалуй, я все-таки должна… Если они будут… Верно?

Но Тиффани понятия не имела, что делать.

Тогда мне казалось, что это равносильно подаче заявления. Просто подтвердить подписью свое согласие: мол, я одобряю решение полиции продолжить мое дело. Я боялась, что если откажусь, то это расценят, будто я на одной стороне с тем человеком. О суде я даже ни разу не подумала. Суд для меня был чем-то невразумительным, каким-то драматическим действом со всякими разборками – представление, которое обычно показывают по телевизору. К тому же парень уже находился в тюрьме. Допустим, он ничего не совершил – тогда его просто отпустят, в противном случае оставят отбывать срок. У них имелись все необходимые улики для обвинения. По всему выходило, что выдвинуть обвинение было простой формальностью. И я позвонила детективу: «Да, я сделаю это. Да, спасибо».

А ведь я понятия не имела… Я понятия не имела, что деньги способны распахнуть двери любой камеры. Я понятия не имела, что если насилие совершается над опьяневшей женщиной, то ни ее слова, ни она сама не будут восприниматься всерьез. Я понятия не имела, что если насилие совершает опьяневший мужчина, то ему обеспечено людское сочувствие. Я понятия не имела, что моя потеря памяти сыграет ему на руку. И я понятия не имела, что «быть жертвой» и «быть человеком, которому никто не верит» – понятия равнозначные.

Тогда, на подъездной дороге к нашему дому, сидя в машине, я меньше всего понимала, что то короткое да снова заставит кровоточить мои раны, снова выставит мое тело, но уже на всеобщее обозрение, снова раздвинет мои ноги, но уже на потребу публики. У меня не было ни малейшего представления ни о предварительном слушании, ни о реальном суде. Предполагала ли я в то утро, что нам с сестрой настоятельно порекомендуют прекратить всякое общение друг с другом, поскольку защита могла обвинить нас в сговоре. Произнесенное мною односложное слово да определило мое будущее на годы – то будущее, в котором судебный процесс будет длиться и в мои двадцать три года, и в мои двадцать четыре года, и в мои двадцать пять лет; дело закроют, лишь когда мне исполнится двадцать шесть.

Я прошла по коридору в свою комнату, сказав сестре, что скоро выйду. Я заперла дверь и снова встала под душ, чтобы смыть с себя больничный дух. В гостиной Тиффани включила телевизор и разложила диван. Как только я улеглась на него рядом с ней, она положила на меня руку, придавив ею, как пресс-папье, словно боялась, что меня сдует. По телевизору что-то бубнили занудным голосом, в

окна светило солнце и рассеивалось по гостиной. Родители сновали взад-вперед, а мы то засыпали, то просыпались. Мы с сестрой вместе отправились на ту вечеринку, потом нас разлучили. И теперь мы снова вдвоем, но уже не те, что были раньше.

Тиффани и я проснулись в сумерках. Сказав родителям, что идем за мороженым, мы вышли из дома. По сию пору я сожалею об этом вранье: когда я собираюсь пойти купить мороженое, мама пристально глядит мне в глаза, и каждый раз мне приходится давать честное слово, что я «действительно иду за мороженым».

Первым делом мы заехали за Джулией, которая занималась в студенческой библиотеке. Они с Тиффани дружили с тех пор, как им в детстве на зубы поставили брекеты. Джулия всегда была жизнерадостной, но в тот вечер ее буквально трясло.

Я смотрела на сидящих в машине двух девочек, и меня угнетала мысль, что им приходится вместе со мной нести бремя моей тайны. Я понимала, насколько это было неправильно. Например, мне хотелось бы, чтобы наши родители знали о Тиффани, если она, скажем, попадет в больницу. Правда, положение, в котором оказалась я, выглядело довольно странным. Когда кто-нибудь интересовался, почему я сразу не рассказала отцу и матери, я в свою очередь спрашивала: «А почему мне ничего не рассказывали?» Так что пока я сама не узнала подробности, мне следовало хоть как-то сдерживать всю ситуацию.

На парковке было темно и тихо. Я много раз проезжала мимо этого места. Овраг, поросший приземистым кустарником, и маленькое здание, окруженное линией фонарей, в белом свете которых метались мотыльки. Дверь зажужжала, и мы вошли в тускло освещенный коридор, увешанный пробковыми панелями с прикрепленными к ним бюллетенями и информационными листовками. Поскольку детектив Ким отсутствовал, меня подвели к его помощнице – оливковый цвет кожи, длинные, почти до пояса, жидкие черные волосы, поношенная ветровка. Я прошла за ней в небольшой кабинет, где на столе лежали блокнот и черный диктофон. Тиффани с Джулией остались ждать в другой комнате дальше по коридору. Я думала, помощница детектива расскажет мне про того человека, отдаст телефон и пожелает всего наилучшего. Но она закрыла дверь и опустила жалюзи. Вновь пошли вопросы. Мне снова пришлось вспоминать каждую незначительную деталь прошлого вечера, причем меня попросили быть на этот раз предельно точной. Сделанная

позже расшифровка записи нашей беседы займет семьдесят девять страниц. Задаваемые ею вопросы казались мне слишком занудными и совсем ненужными. Я не могла понять, для чего может понадобиться то, что я наговорила, и какую роль все это будет играть.

В дверь постучали. Вошел еще один помощник – высокий, усы густые, светло-коричневая форма, перетянутая черным ремнем с выбитым на нем черным рисунком. Выглядел суровым и уставшим. Поприветствовал меня и добавил, как он рад видеть, что со мной все в порядке. Причем второй помощник детектива произнес это так, будто узрел чудо: словно я уже умерла – и вдруг ожила. Он рассказал мне, что один из нашедших меня парней все время сбивался во время беседы с ним, плакал и никак не мог отдышаться. По словам сержанта, тот человек буквально задыхался. «Взрослый мужчина, а плакал, – подумала я, – да черт возьми, что там произошло?!»

Помощница детектива достала из большого конверта мой телефон. Синий чехол был заляпан, а края так пропитались грязью, точно телефон долго пролежал в земле, прежде чем его нашли. Была куча пропущенных звонков от Тиффани и Джулии и эсэмэсок на одну тему: «Где ты? Не пугай меня». Помощница детектива попросила переслать ей по электронной почте все фотографии, которые я сделала тем вечером. На одной я, намеренно скосив глаза, держала в руках красный стаканчик. И почему нельзя было нормально улыбнуться? Я отправила ей снимки и скриншоты, не подозревая, что все они будут использованы в качестве улик. Наконец она дала мне возможность тоже задать свои вопросы. Если верить расшифровке записи, я спросила:

– Как бы это поточнее сказать… говорят, со мной что-то случилось, но на самом деле я так и не поняла, что это означает. И я до сих пор… Я и сейчас по-настоящему не понимаю… Что со мной произошло?

– Я еще недостаточно владею материалом, – ответила помощница. – Знаю только, что вас нашли двое студентов Стэнфорда.

Больше она ничего не сказала.

– Почему же тот человек побежал? – спросила я.

– Что-то пошло не так, – «объяснила» она.

Я как бы попыталась пройти к скоплению полицейских машин, пролезть под желтой сигнальной лентой и подобраться поближе к месту преступления. Но каждый раз, когда я делала шаг в том направлении, помощница детектива преграждала мне путь. Я шагнула вправо – она тоже. Я вытягивала шею, стараясь увидеть, что они там прячут, – никакого результата. Территория оказалась закрытой. Мне будто было предписано оставаться за какой-то незримой чертой.

Но все-таки я что-то поняла. Почему-то изменилась атмосфера в том кабинете, где я находилась. Лица помощников детектива помрачнели. Они стали разговаривать со мной вполголоса, обращаясь с такой осторожностью, словно я зверек, которого боялись спугнуть. Они старались что-то прочитать на моем лице, я лишь тупо глядела в ответ. И всё говорили, что поражены тем, как хорошо я держусь.

– Должна сказать, вы очень спокойны, очень… – отметила помощница. – Вы всегда такая?

– В присутствии младшей сестры стараюсь сдерживать эмоции, – согласно кивнула я.

И все-таки мое хладнокровие приводило их в замешательство. Видимо, учитывая обстоятельства, я должна была вести себя как-то совсем иначе – и это меня нервировало.

– Я еще не рассказала родителям, – уточнила я.

– Это понятно, – ответила помощница. – Понимаешь, ты стараешься… Мне кажется, ты стараешься не волновать их… пока не сможешь лучше… ну вроде как пока сама не разберешься, что случилось… – она была очень добра, поддакивала мне, но увиливала от всех моих вопросов.

К концу разговора мне удалось прояснить два момента: во-первых, никто не собирался связываться с моими родителями до тех пор, пока я сама не разберусь в случившемся; во-вторых, никогда, ни при каких обстоятельствах я не хотела бы снова встречаться или иным способом контактировать с тем человеком, кем бы он ни был.

Меня проводили в комнату ожидания, где было полно запылившихся наград, а Тиффани увели на беседу, в результате которой помощница детектива напечатала следующее:

Один из гостей на вечеринке ни с кем не разговаривал. Коллин и Тиффани сочли его странным, так как он выглядел довольно агрессивным. По словам Тиффани, это был светловолосый парень, с голубыми глазами, чисто выбритый, ростом приблизительно от метра шестьдесят до метра восемьдесят. На нем были не шорты, а брюки, бейсболку он повернул козырьком назад. Тиффани не смогла вспомнить, была ли на нем рубашка или футболка. Она думает, что внешне он ничем не отличался от ее друзей из колледжа. Этот выглядевший агрессивно парень начал разливать пиво. Он подошел к Тиффани и поцеловал ее в щеку, потом полез целоваться в губы. От растерянности она рассмеялась. Коллин и Джулия, видевшие это, тоже стали смеяться. Парень отошел. Чуть позже он снова появился, когда Тиффани говорила наедине с Коллин. Он протиснулся между ней и Коллин и опять стал приставать к ней. Парень обхватил Тиффани за талию и поцеловал в губы. Она вывернулась из его рук, сказав, что ей пора уходить.

Когда мы вернулись, Тиффани пошла домой, а я осталась сидеть в машине. До меня вдруг дошло, что мой парень Лукас явно волнуется, поскольку я молчала весь день. Он жил в Филадельфии, и мы встречались с ним уже несколько месяцев. На звонок он ответил сразу после первого гудка.

– Я волновался за тебя вчера вечером, – сказал он. – Ты нормально добралась до дома?

Я совсем не помнила, что звонила ему. Быстро просмотрела историю звонков и нашла его имя. Оказывается, я набрала его номер около полуночи и, скорее всего, разбудила, ведь у него было три часа ночи.

– Ты нашла Тиффани? – спросил он. – Я волновался, что ты очнулась в кустах или где там…

В животе все замерло. Он знал? Но откуда?

– О чем ты? – ответила я.

К концу разговора Лукас объяснил, что я и двух слов связать не могла и несла какую-то бессмыслицу; причем я постоянно зависала, а он каждый раз кричал в трубку, что мне немедленно надо найти Тиффани, но я не отвечала.

– Я понимал, что ты одна и совершенно невменяема, – добавил он.

У меня все оборвалось внутри.

– Ты оставила мне голосовое сообщение. Ты была просто в хлам.

– Не удаляй его, – попросила я. – Пообещай, что не удалишь.

– У тебя все в порядке? Ты какая-то грустная.

Я кивнула, словно он мог видеть меня.

– Просто не выспалась.

Я зашла в дом, вытащила айфон из грязного чехла, но не стала его очищать. Свернула спортивный костюм и засунула в дальний угол шкафа. Поставила на полку оранжевую папку, положив в нее свой больничный браслет. У меня было странное желание сохранить все предметы, которые доказывали бы существование этой альтернативной реальности.

Потом был День Мартина Лютера Кинга[12 - День Мартина Лютера Кинга – федеральный праздник США, государственный выходной день, приуроченный к 15 января, дню рождения Кинга; отмечается ежегодно в третий понедельник января. Прим. ред.], последний в череде долгих выходных. Тиффани собиралась возвращаться в колледж, но перед этим мне нужно было успеть сказать ей, что сейчас особенно важно не отдаляться друг от друга, а сохранять близкие отношения, особенно с родителями. Я предложила, чтобы мы все вчетвером где-нибудь поужинали.

Стоя рядом с украшениями из красной бумаги и миской дынных конфет, мы рассматривали хмурых рыбок в аквариуме и ожидали, пока нам найдут столик.

Заказали утку по-пекински. Как всегда, мать развела настоящую церемонию: разложила круглый лаваш, щедро полила сливовым соусом, добавила хрустящие кусочки красного утиного мяса, несколько веточек зеленого лука, дольки огурца и завернула все это. «Вы только посмотрите, наша мама из утки крутит косяки! Мам, да это же утиная травка!» После ужина сестра уехала в колледж – за сто двадцать километров от нашего дома; ее путь лежал вдоль раскинувшихся равнин, через Гилрой, Салинас, Кинг-Сити в Сан-Луис-Обиспо[13 - Гилрой, Салинас, Кинг-Сити, Сан-Луис-Обиспо – города Калифорнии. Прим. ред.]. Она сказала, что боится оставлять меня одну. «С чего бы? Это смешно. Со мной все нормально», – ответила я.

Тогда казалось, что все очень просто. Я сложила воспоминания о том утре в большую банку и отнесла ее в подвал. По лестнице вниз – ступенька, еще ступенька, следующий пролет и снова ступенька за ступенькой – поставила банку в самый дальний угол своего сознания, заперла на ключ и быстро вернулась наверх, к своей жизни. Той жизни, которую сама выстраивала и которая не имела ничего общего ни с ним, ни с тем, что он мог со мной сделать. Банки больше не было.

Я не знала, что в одиннадцать часов вчерашнего вечера его выпустили под залог в сто пятьдесят тысяч долларов. Не прошло и суток после его ареста, как он уже оказался на свободе.

Глава 2

Пало-Альто – это кремовое буйство магнолий, это густая синева почтовых ящиков, это словно нанесенные кисточкой оранжевые пятна апельсинов в гуще листвы. Пало-Альто – это город, где температура не опускается ниже двадцати градусов, где можно учуять запах солнца, когда в его лучах поджариваются разбросанные везде тонкие полоски коры эвкалиптов. Пало-Альто – это тяжело дышащие от жары собаки, ищущие укрытия в пятнистой тени безупречно чистых парков. Это тупиковые улочки с домами Эйхлера[14 - Дома Эйхлера – устойчивое выражение, обозначающее популярный тип коттеджей, разработанный в 1950-х гг. в Калифорнии предпринимателем-застройщиком Джозефом Эйхлером вместе с архитекторами его строительной фирмы; эти удобные, компактные и одновременно просторные одноэтажные дома, построенные без цоколя и

чердака, с большими окнами и атриумом, были экономичными и потому доступными среднему классу послевоенной Америки. Прим. ред.], деревянными гаражными воротами и японскими кленами. Это аккуратно вымощенные тротуары и еще велосипеды, на которых дети спешат в школу, а взрослые – на работу. Это город, где у каждого есть если не научная степень, то по крайней мере диплом, и где все очень ответственно относятся к окружающей среде.

Я работала в команде одного стартапа, мы занимались разработкой образовательных приложений для детей. Наш офис состоял из одной рабочей комнаты – где за плотно придвинутыми друг к другу столами сидели одиннадцать человек – и нескольких переговорных со стеклянными стенами. Стартап был моим первым рабочим местом после института; я ходила туда уже примерно полгода. Мне нравилось создавать видимость взрослой жизни: рано просыпаться; не ходить на все вечеринки подряд; заказывать картриджи для принтеров; вносить даты встреч и дней рождения в онлайновый календарь, отмечая самые важные кружочками – или цвета лаванды, или цвета мандарина. Получив первую зарплату, я купила себе белоснежный и блестящий дорожный велосипед и назвала его Тофу. Кроме того, я активно работала над собой, стараясь свести к минимуму количество восклицательных знаков в официальных письмах.

В мире, который я пыталась выстроить, у меня был свой лексикон: «Тойота Приус», электронная таблица, греческий йогурт, кредит на строительство, поездки в Напу, исправление осанки, – но в нем не было места таким словам, как изнасилование, жертва, травма, ссадины, адвокат. Возможно, я создавала не взрослую жизнь, а пародию на нее; возможно, она скорее напоминала зефир на палочке, но, несмотря на всю хрупкость этой жизни, она была важна для меня.

– Как выходные? – спросила коллега. – Хорошо провели время с сестрой?

В субботу я пошла на вечеринку. Воскресенье провела в больнице и полицейском участке. В понедельник ела утку по-пекински.

– Да, было отлично!

Я стояла под лампой дневного света на офисной кухне, в микроволновке крутился мой штрудель. Я скрестила на груди руки и заметила странные тени на локтях. При ближайшем рассмотрении это оказались синяки – расцвели, как

утренние цветы. Я закатала рукава и на внутренней стороне обнаружила еще больше фиолетовых пятен. Надавила на них – под моим большим пальцем они побелели. Это завораживало. Я словно наблюдала, как превращаюсь в совершенно иное существо. Помню, как в первом классе обнаружила по бокам рук серебристые разводы и тут же сообщила на ухо подруге: «Я русалка». Она объяснила, что это просто грифель – следы от карандаша на бумаге. Какое простое и скучное объяснение. Уверена, у нынешних синяков было такое же. Я сфотографировала каждый – хотела удостовериться, что они настоящие. Потом опустила рукава. К чему разглядывать, если обо всем уже позаботились. Штрудель сгорел, из микроволновки повалил дым, и мне пришлось хлопать по ней кухонным полотенцем, чтобы запах не просочился в офис.

Когда тем вечером я вернулась домой, банка, которую я отнесла в подвал и засунула в самый дальний угол своей памяти, ждала меня в центре комнаты. Забавно, как она тут оказалась? Я взяла ее, открыла дверь, спустилась по лестнице и снова заперла там, где ей следовало быть.

Проснулась я в абсолютной тишине в четыре утра. За окном все еще было темно. Надев жесткий шлем из вспененного полистирола, я оседлала своего Тофу и выкатила на улицу. Я ехала на велосипеде по длинным гравийным дорожкам вдоль раскидистых дубов и мимо маленьких деревянных мостиков, а когда въехала во внутренний двор, уже возвращаясь домой, увидела в кухонное окно отца. Взъерошенный, босой, в стареньком синем халате, он готовил кофе.

– Ты уже проснулась? – ошарашено спросил он.

– Пробовала новый велосипед, – ответила я. – Понравился. Клевый.

После горячего душа и особенно лосьона кожу жгло и покалывало – словно невидимые пчелы вгрызались маленькими острыми зубками в мою беззащитную плоть. Но на зуд я не обращала внимания – главное, ничего не было сломано. Едва мой разум начинал погружаться в прошлое и перебирать самые тревожные ситуации, я говорила себе: «Хватит. Всё позади. Я дома. Тиффи тоже». Тем не менее я не переставая спрашивала себя, почему мои руки покрыты этими пятнами цвета лаванды. В голове крутились слова: надеюсь… подозрительно… А глубоко внутри зрела тревога.

Велосипед, рассвет, работа, закат – так проходили дни. И никакой информации, никаких сообщений. Беспокойство все нарастало, и я продолжила свои ночные вылазки на велосипеде, выбирая длинные дороги вдоль шоссе. Папа волновался, приладил еще один фонарь, и мой руль походил теперь на стробоскоп, излучающий во всех направлениях свет, не дающий мне раствориться в темноте.

У нас раньше был белый кот по кличке Дрим[15 - Dream (англ.) – мечта, сон. Прим. пер.]. Мы любили его двенадцать лет, но однажды, за две недели до Рождества, он исчез. Мы с Тиффани обошли все вокруг, звали его, искали с фонариками по полям, а после Рождества родители сообщили нам, что Дрима сбила машина. Его нашли у дороги несколькими неделями раньше. Потом мать с отцом вручили нам урну с прахом и свидетельство из крематория, в котором под нарисованной радугой было написано «Дрим Миллер». Нам не говорили раньше, так как не хотели портить Рождество. Но при этом нам позволяли бродить ночью по полям, в то время как Дрим лежал в коробке в шкафу, – что мне кажется весьма странным. Теперь у меня появился еще один мертвый кот. Я могла так же спрятать его в шкафу, притворившись, что все хорошо, или признать, что «меня чуть не изнасиловали прямо рядом с нашим домом», и предъявить коробку с прахом. Я решила, что торопиться некуда – зачем «портить Рождество».

Я никогда не надеялась на других. В детстве, когда мать пыталась взять меня на руки, я молотила ногами и орала: «Во цзыцзи цзоу!» (я пойду сама). Сестра, например, стояла как вкопанная, протягивая руки, пока ее не возьмут. Все-таки я была старше. Я видела, как рыдала мать, когда задохнулся один из щенков нашей собаки; видела отца в бирюзовой больничной рубахе, когда у него была эмболия легочной артерии. Тогда меня озарило, что они так же уязвимы, как все люди, и случись что, мне придется заботиться обо всех нас.

В четверг Тиффани, находившуюся в Сан-Луис-Обиспо, вызвали в местный полицейский участок просмотреть фотографии, присланные из полицейского отделения Стэнфорда, чтобы она опознала того агрессивного парня, о котором рассказывала. Ей показывали снимки белых прыщавых парней с сальными волосами – и наконец на экране появилось его лицо. Полицейский отчет начинался так: «Без колебаний Тиффани указала на фотографию номер четыре». Когда ее попросили оценить, на сколько процентов она уверена, сестра ответила, что «на сто», а потом позвонила мне и сказала:

– Я видела его.

– В смысле? – не поняла я.

Я никак не могла сообразить, как полицейские догадались, какой именно парень пытался ее поцеловать. Они что, сделали портреты всех, кто был на вечеринке? Или методом исключения? И почему они были так сосредоточены на нем, а не на том, кто совершил нападение? Все свои сомнения я тут же вывалила на сестру.

– Ну, должно быть, это он и есть, – ответила она.

– Не может быть, – возразила я.

– Парень, который пытался поцеловать меня, вышел сразу следом за тобой. Я облажалась, понимаешь? Черт, это я тебя подвела.

В тот вечер он смотрел ей в лицо.

– Я никак не могу избавиться от него и выкинуть его из головы, – сказала сестра.

Но до сих пор никто не знал его имени. И до сих пор мне никто не звонил.

Каждый раз, когда я думала о том утре, на свет появлялась следующая банка. Теперь в моем сознании их было полным-полно – ставить некуда. Они уже не помещались в подвале и загромоздили собой лестничные пролеты. Я была набита этими запечатанными банками – и уже не могла ни ходить, ни сидеть, ни дышать.

Прошло десять дней. Десять дней пустоты. Я проснулась от звука пришедшей эсэмэски. Сестра прислала скриншот рубрики «Происшествия» из Stanford Daily. Я начала читать заметки:

Как сообщается, пристегнутый велосипед был украден примерно между 15:00 часами пятницы и 10:00 часами субботы.

Воскресенье, восемнадцатое января. Подозреваемый в попытке изнасилования, совершенной в час ночи возле Ломита-Корт, арестован и доставлен в центральный следственный изолятор Сан-Хосе.

Второе сообщение представляло собой единственное доказательство, что все случившееся со мной произошло на самом деле. Однако, если судить по той заметке, меня даже не существовало. Слово попытка я как-то переварила. Видно, у подозрительного типа не получилось. Наверное, он увидел, что я в полной отключке, подозрительно посмотрел на меня, а затем проходящие мимо люди схватили его и оттащили от меня. С одной стороны, я испытывала благодарность за эту публикацию, с другой – мне было грустно. И все? Всего одна фраза, которую легко пропустить среди сообщений о мелких кражах. Если именно так обычно подавалась информация о насилии, то сколько я сама не замечала? В то утро я думала, что интерес прессы к нападению на меня на этом и закончится – на одном предложении, которое поместилось бы в печенье с предсказанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Эмили Доу (Emily Doe) – в данном случае обозначение для женской стороны в судебном процессе; используется в англо-саксонском праве, когда истец или жертва неизвестны или должны сохранять анонимность; ср. известные благодаря литературе и кинематографу криминологические термины Джон Доу и Джейн Доу – псевдонимы, которые дают неопознанным соответственно мужским и женским телам. Прим. пер.

2

Талисман команды, маскот (mascot – «кто-то приносящий счастье и удачу» или «что-то приносящее счастье и удачу») – человек, одетый в узнаваемого персонажа, олицетворяющего какой-то коллектив, в данном случае спортивную команду. Прим. ред.

3

Я-высказывание (I-Message) – психологический термин, обозначающий высказывание, в котором человек описывает происходящее, опираясь на собственные чувства и желания, стараясь при этом не задевать и не обвинять окружающих. Прим. ред.

4

Зеленая сальса (salsa verde) – традиционный мексиканский соус, приготовленный из отварных измельченных томатильо, чили, чеснока и лука. Прим. ред.

5

«Сетафил» (Cetaphil) – швейцарский дерматологический бренд, представленный широким выбором косметических средств для ухода за проблемной кожей. Прим. пер.

6

SART, Sexual Assault Response Team (Служба реагирования при половом преступлении) – общегосударственная программа помощи, обеспечивающая интересы потерпевших. В состав отдельной оперативной группы входят следующие специалисты: медицинские работники – оказывают первую медицинскую и психологическую помощь и проводят судебно-медицинскую экспертизу; сотрудник правоохранительных органов – проводит полицейское расследование; адвокат – оказывает юридическую поддержку потерпевшему. Прим. ред.

7

Джой (Joy) – радость. Прим. пер.

8

Эйприл (April) – апрель. Прим. пер.

9

Grateful Garments (дословно с англ. «приятная одежда») – благотворительная организация Grateful Garments Project, работающая с больницами, приютами и правоохранительными органами, обеспечивает неотложные потребности пострадавших, в том числе предоставляя необходимую одежду жертвам полового насилия, т. к. собственную одежду они вынуждены сдавать на судебно-медицинскую экспертизу. Прим. ред.

10

«Инопланетянин» (E.T. The Extra-Terrestrial; 1982) – фантастический блокбастер Стивена Спилберга про дружбу между американским мальчиком и довольно милым пришельцем. Прим. ред.

11

In-N-Out (In-And-Out, «Ин-энд-Аут») – американская сеть ресторанов быстрого питания In-N-Out Burger. Прим. пер.

12

День Мартина Лютера Кинга – федеральный праздник США, государственный выходной день, приуроченный к 15 января, дню рождения Кинга; отмечается ежегодно в третий понедельник января. Прим. ред.

13

Гилрой, Салинас, Кинг-Сити, Сан-Луис-Обиспо – города Калифорнии. Прим. ред.

14

Дома Эйхлера – устойчивое выражение, обозначающее популярный тип коттеджей, разработанный в 1950-х гг. в Калифорнии предпринимателем-застройщиком Джозефом Эйхлером вместе с архитекторами его строительной

фирмы; эти удобные, компактные и одновременно просторные одноэтажные дома, построенные без цоколя и чердака, с большими окнами и атриумом, были экономичными и потому доступными среднему классу послевоенной Америки. Прим. ред.

15

Dream (англ.) – мечта, сон. Прим. пер.

Купить: https://tellnovel.com/ru/miller_shanel/znay-moe-imya-pravdivaya-istoriya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить